

Пальцы в его ладони всё ещё были мягкими и гладкими, но теперь на них появилось множество мелких царапин. Сюн Цзиньчжоу неторопливо провёл пальцами по этим ранкам, повернул голову и поцеловал Нин Гуйчжу в макушку.

Нин Гуйчжу зевнул.

— Что такое?

— Ничего, — помолчав немного, Сюн Цзиньчжоу снова заговорил: — Чжу-гер, научи меня плести из бамбука.

Нин Гуйчжу озадаченно протянул:

— М-м? С чего вдруг захотел этому научиться?

Раньше, когда Сюн Цзиньчжоу выпадало свободное время дома, он иногда пробовал делать что-нибудь вслед за Нин Гуйчжу. Но большую часть времени проводил в уезде, а Нин Гуйчжу обычно занимался плетением днём, пока учил детей, поэтому Сюн Цзиньчжоу так и не успел толком освоить даже основы.

Услышав вопрос Нин Гуйчжу, Сюн Цзиньчжоу слегка сжал кончики его пальцев и вывел его руку из-под одеяла.

— Тебе тяжело всё это делать.

Нин Гуйчжу уже клонило в сон, поэтому он не сразу сообразил, о чём речь, а потом, прижавшись к Сюн Цзиньчжоу, тихо рассмеялся.

— Да что тут тяжёлого, все ведь так живут. К тому же по сравнению с невесткой мне и без того очень легко.

— О невестке заботится старший брат, — Сюн Цзиньчжоу не позволил ему так просто уйти от разговора. — Мне достаточно сделать так, чтобы тебе было хоть немного легче.

— Как красиво говоришь.

Нин Гуйчжу слегка приподнялся и, увидев, что Сюн Цзиньчжоу смотрит на него совершенно серьёзно, сам не понимая почему, запрокинул голову и дважды поцеловал его в подбородок. Затем снова устроился поудобнее и неторопливо сказал:

— Раз хочешь учиться, тогда впредь каждый вечер, когда я буду заниматься с Аньхэ, заодно

стану учить тебя плетению. Договорились?

— Договорились.

В дождливую погоду темнело раньше обычного. Когда света стало совсем мало, они умыли детям лица, вымыли им руки и ноги и вместе отправились в спальню.

Кровать в доме Сюн Цзиньчжоу специально заказал у плотника за деньги, поэтому она была немного больше обычной. Даже с тремя детьми места на ней хватало. Но всё-таки они впервые оставили детей ночевать у себя, поэтому оба взрослых спали тревожно.

Во второй половине ночи Сюн Иньинь дважды просыпалась. Она сонно садилась на кровати, смотрела то на Сюн Цзиньчжоу и Нин Гуйчжу, то на двух братьев рядом, после чего, тихо зевая, снова ложилась. Поначалу Нин Гуйчжу решил, что ребёнок просто хорошо приспосабливается, но, вернувшись после того, как сходил в уборную, обнаружил, что Сюн Иньинь лежит ничком на кровати и тайком плачет.

Такое ранило сердце куда сильнее, чем громкий плач навзрыд. Нин Гуйчжу осторожно поднял Сюн Иньинь и прижал к себе. Усевшись у окна, он тихо стал её уговаривать:

— Иньинь соскучилась по маме?

Сюн Иньинь уткнулась ему в плечо, а слёзы одна за другой покатались вниз.

— Учитель, можно я вернусь домой?

Было уже очень поздно. Дождь ещё не прекратился окончательно, хотя стал намного слабее. Нин Гуйчжу обнимал ребёнка и мягко похлопывал по спине.

— Конечно можно. Учитель возьмёт зонт и проводит Иньинь домой, хорошо?

— Угу...

Сюн Иньинь шмыгнула носом, но всё ещё цеплялась за Нин Гуйчжу и не хотела вставать.

Нин Гуйчжу немного подождал и уже подумывал выйти вместе с ребёнком на руках за зонтом.

— Не двигайся.

В кромешной темноте внезапно раздавшийся голос напугал и Нин Гуйчжу, и Сюн Иньинь. Оба подняли головы и посмотрели туда, откуда он донёсся, и лишь спустя некоторое время с

трудом различили силуэт Сюн Цзиньчжоу.

Сюн Цзиньчжоу наклонился, забрал Сюн Иньинь из рук Нин Гуйчжу и сказал:

— На улице так темно. Я сам её провожу, а ты оставайся дома и спи.

Нин Гуйчжу тоже поднялся:

— Это мы тебя разбудили?

Сюн Цзиньчжоу покачал головой, но, вспомнив, что в темноте этого всё равно не видно, добавил:

— Нет, просто сон неглубокий.

Увидев, как Сюн Цзиньчжоу одной рукой держит ребёнка, а другой берёт зонт и направляется наружу, Нин Гуйчжу остановился перед завесой дождя и, слегка повысив голос, напомнил:

— Иди медленнее. Земля скользкая, да ещё и дороги не видно, не упади.

— Не волнуйся.

Когда Нин Гуйчжу сам собирался вывести ребёнка, он об этом почти не задумывался, но теперь, когда Сюн Цзиньчжоу ушёл с девочкой, уснуть уже не получалось. Он несколько раз прошёлся по комнате, а затем просто сел на стул у окна и время от времени поглядывал наружу. Темнота давала волю воображению, и в голове Нин Гуйчжу одна за другой возникали всевозможные неприятности, которые могли с ними случиться. В ожидании время тянулось особенно медленно. Появившуюся у ворот тёмную фигуру было почти не различить, но Нин Гуйчжу всё равно сразу поднялся.

Сюн Цзиньчжоу закрыл ворота, вошёл под навес и только тогда обнаружил, что Нин Гуйчжу всё ещё не спит.

— Почему сидишь здесь и ждёшь?

— Немного беспокоился, — ответил Нин Гуйчжу. — Не упал? Почему так долго?

При упоминании об этом Сюн Цзиньчжоу не удержался от смеха:

— У нас Иньинь держалась молодцом, а стоило попасть на руки к невестке, как разревелась так, что никак не могли успокоить. Даже отца с матерью разбудила. Вот я и задержался там

немного.

Нин Гуйчжу с улыбкой сказал:

— Бедняжка, значит, всё это время терпела.

Было уже поздно. Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу вернулись в спальню, посмотрели на двух детей, спавших на кровати, и легли рядом с ними.

Дождь с перерывами шёл до следующего дня. Сюн Цзиньбо и Сюн Чуаньшуй впервые ночевали здесь и проснулись очень рано. Некоторое время они ещё повозились в постели, а затем сели. Оба чувствовали себя бодрыми и отдохнувшими и принялись озираться по сторонам: учитель всё ещё спал, а младший дядя медленно открыл глаза и молча посмотрел на них.

Братья:

— ...

Они придвинулись к Сюн Цзиньчжоу и, понизив голоса, спросили:

— А где сестрёнка?

— Ночью проснулась и заплакала, пришлось отвести её домой, — ответил Сюн Цзиньчжоу. — Если больше не спится, сами встать сможете?

— Сможем.

Деревенские дети к пяти годам уже умели сами справляться с самыми простыми повседневными делами. Братья тихонько сползли с кровати, оделись и, взявшись за руки, вышли из комнаты.

Без мелких сорванцов, лежавших между ними, Сюн Цзиньчжоу совершенно естественно придвинулся к Нин Гуйчжу, обнял его и довольно вздохнул.

.

Дождь в этот раз выдался сильным, земля очень быстро пропиталась влагой. Как только в тот день дождь прекратился, жители деревни сразу засутились, взяли заранее подготовленные семена и отправились каждый на свои поля. Сюн Цзиньчжоу ещё вчера заметил, что дождь идёт как следует, поэтому заранее взял на сегодня выходной. Утром после еды он некоторое время учился у Нин Гуйчжу плести из бамбука, а как только дождь закончился, тоже

отправился в поле.

Нин Гуйчжу изначально собирался пойти вместе с ним, но Сюн Цзиньчжоу оставил его дома.

— Работы не так много, мы со старшим братом справимся.

Нин Гуйчжу поправил ему рукава и беспомощно сказал:

— Тогда передай старшему брату и остальным, чтобы и в обед, и вечером приходили есть к нам.

— Хорошо.

Сюн Цзиньчжоу наклонился, поцеловал его, взял мотыгу и ушёл.

В переднем доме семьи Сюн всё тоже шло своим чередом. Сильный дождь не слишком повлиял на их дело: всё, что нужно было делать, по-прежнему требовало работы. Услышав от Сюн Цзиньчжоу, что сегодня они будут есть у него с Нин Гуйчжу, Сюн Шишань и Лю Цюхун просто согласились. Вскоре после того, как братья ушли с инструментами, Лю Цюхун положила в корзину немного тофу и яиц, затем сходила на огород, нарвала свежих овощей и отнесла всё в задний дом.

Нин Гуйчжу принял принесённые ею продукты и спросил:

— Мама, есть что-нибудь, что вы хотели бы съесть на обед?

— Всё подойдёт. Свари рис посуше, чтобы был сытнее. Братья сегодня сильно устанут.

Перед посевом землю нужно было перепахать, и одного раза было недостаточно. Сюн Цзиньчжоу и Сюн Цзиньпину предстояло вдвоём привести в порядок шесть му земли, так что сегодняшний день по тяжести ничуть не уступал жатве пшеницы.

Нин Гуйчжу кивнул:

— Понял. Вчера мы как раз вытопили свиной жир. Разогрею шкварки, приготовлю чашку вяленого мяса, ещё зелень и жареный тофу с яйцом. Как вам?

Лю Цюхун:

— ...По-моему, и этого более чем достаточно.

Во всяком случае, если бы готовить пришлось ей самой, домашний стол точно не был бы настолько богатым.

Нин Гуйчжу уже нёс продукты на кухню и потому не заметил выражения её лица. Убрав всё, он налил Лю Цюхун чашку воды, настоянной на листьях дикой груши. Дома у неё ещё оставались дела. Лю Цюхун допила воду, некоторое время послушала, как дети читают вслух, и в хорошем настроении вернулась домой.

После тяжёлой половины дня братья пришли обратно и увидели рассыпчатый белый рис, зёрнышко к зёрнышку, а блюда на столе были такими обильными, словно наступил Новый год. Сюн Цзиньчжоу и Сюн Цзиньпин склонились над чашками и принялись усердно есть, а когда остальные уже вышли из-за стола, вдвоём доели всё оставшееся. Увидев, что от еды ничего не осталось, Нин Гуйчжу некоторое время понаблюдал за братьями и, убедившись, что оба действительно наелись, лишь тогда спокойно убрал чашки и палочки.

Лю Цюхун и Сюн Шишань тоже поднялись и вместе с ним привели дом в порядок. Времени на отдых в полдень было немного. Пока дети спали, Сюн Цзиньчжоу и Сюн Цзиньпин снова отправились в поле, Сюн Шишань повёл мула в уезд развозить тофу, а Лю Цюхун и Ван Чуньхуа вместе с тётушками продолжили работать.

Нин Гуйчжу покачивал бамбуковой полоской, поддразнивая собак, чтобы те пытались её схватить. Обе собаки, виляя хвостами, вцепились в полоску зубами и уже не желали отпустить. Так игра быстро превратилась в перетягивание, но тут Нин Гуйчжу вдруг почувствовал, что с другого конца бамбука что-то происходит. Он повернул голову и увидел, что Саньбао неизвестно когда успел подобраться поближе и теперь лежал на земле кверху пузом, пытаясь лапами зацепить свободный конец полоски.

— ...

Вот уж действительно - одна вещь на все случаи жизни.

Когда время дневного отдыха подошло к концу, Аньхэ торопливо прибежал к ним. На одежде ещё оставалась земля, налипшая во время работы в поле.

Увидев его, Нин Гуйчжу невольно спросил:

— Вы уже закончили с землёй?

У бабушки с внуком не было денег на покупку полей, но по закону им разрешалось распахать определённый участок пустующей земли, поэтому сегодня им тоже полагалось заниматься посевами.

Аньхэ покачал головой:

— Свободного места у нас немного. Мы всё засеяли соей, так что управились быстро.

— Всё засадили соей?

— Угу. Тётушка Ван сказала бабушке, чтобы мы посадили побольше сои на свободной земле. Когда будет урожай, она всё у нас выкупит.

Ван Чуньхуа тоже хотела немного помочь бабушке с внуком и заранее договорилась покупать сою по нынешней цене, которая к моменту сбора урожая окажется на два-три вэня выше обычной. Если в этом году соя будет расти нормально, для них это окажется выгоднее, чем сажать батат.

К тому же... Батат можно было посадить и в горах. Конечно, его могли выкопать другие деревенские жители или съесть какие-нибудь зверьки, но хоть что-то бабушке с внуком всё равно наверняка удалось бы собрать.

Услышав это, Нин Гуйчжу поднял руку и пригладил волосы мальчика.

— Тогда сегодня начнём учиться делать украшения для волос?

Пару дней назад они уже ходили в горы узнавать растения, пригодные для окрашивания, а потом Нин Гуйчжу научил Аньхэ самым простым способам красить ткань. Как раз сегодня можно было использовать первую партию окрашенных полосок.

Аньхэ энергично закивал и с ожиданием посмотрел на Нин Гуйчжу.

Изготовление украшений для волос можно было считать одним из старых ремёсел Нин Гуйчжу. Даже если из материалов имелась только грубая ткань, вариантов всё равно можно было придумать немало. Белые пальцы складывали светло-красную полоску ткани, и постепенно из неё проступала форма цветка. Нин Гуйчжу поправил оставленные концы и закрепил всё иглой с ниткой. Подряд сделав пять разных украшений, он разложил их на столе и спросил Аньхэ:

— Будем учиться этим пяти?

— Угу-угу-угу!

Аньхэ смотрел на красивые цветы на столе сияющими глазами и уже почти мог представить, как хорошо они будут продаваться, когда он отнесёт их в уезд.

Закончив образцы, Нин Гуйчжу принялся буквально за руку учить Аньхэ делать такие же украшения.

Трое малышей, вышедших попить воды, дружно протянули:

— Ух ты!

Сюн Иньинь не удержалась и подняла голову:

— Учитель, а сколько стоит этот цветочек?

Нин Гуйчжу с улыбкой потрепал её по голове.

— Иньинь хочет купить?

Сюн Иньинь послушно кивнула и сказала:

— Карманные деньги, которые дал учитель, Иньинь ещё не тратила. Можно купить на них такой?

Нин Гуйчжу обнял её и указал на Аньхэ, который рядом сосредоточенно складывал ткань.

— Учитель уже продал все свои полоски ткани старшему брату Аньхэ. Иньинь нужно спросить у него.

Аньхэ, которого внезапно упомянули:

— ?

Он поднял голову и растерянно моргнул. Лишь спустя некоторое время до него дошёл смысл слов Нин Гуйчжу, и он тут же замахал руками:

— Не надо, не надо. Всё равно это дядюшка сделал, пусть Иньинь просто возьмёт и носит.

Нин Гуйчжу улыбнулся и не собирался вмешиваться в дела между детьми.

Не сумев получить от него помощи, Сюн Иньинь серьёзно подумала и сказала Аньхэ:

— Раз Иньинь хочет украшение для волос, значит, должна заплатить. Братец Аньхэ, ну скажи скорее, сколько оно стоит?

Аньхэ почесал голову и машинально посмотрел на Нин Гуйчжу. Тот ободряюще кивнул ему.

— ...Три вэня? — не слишком уверенно ответил Аньхэ, снова почесав волосы.

Все его познания об украшениях для волос ограничивались тем единственным, которое он прежде видел у другого ребёнка и которое стоило как раз три вэня.

Услышав цену, Сюн Иньинь обрадовалась:

— А у меня как раз есть три вэня!

Девочка распахнула одежду, достала из маленького внутреннего кармашка три медные монетки, сунула их Аньхэ в руку, а затем нетерпеливо выбрала большой красный цветок и подбежала к Нин Гуйчжу.

— Учитель, сможешь мне его надеть?

— Хорошо.

Нин Гуйчжу взял украшение, положил себе на колени, распустил два маленьких пучка по бокам головы Иньинь, заново уложил ей волосы и закрепил цветок сбоку.

Сюн Иньинь осторожно потрогала его рукой и с ожиданием посмотрела на братьев.

— Ух ты, Иньинь, какая ты красивая!

Сюн Чуаньшуй всегда первым начинал хвалить всё новое.

Видя, как трое детей радуются, Нин Гуйчжу не стал торопить их обратно к занятиям, лишь опустил взгляд и продолжил учить Аньхэ делать украшения для волос.

—

Полмесяца пролетели незаметно. Занятия детей уже давно перешли от книжных премудростей к сложению, вычитанию, умножению и делению. В день, когда Нин Гуйчжу собирался в уезд, он задал им двадцать примеров на сложение и вычитание и предупредил, что вечером, когда вернётся, обязательно всё проверит.

Дети:

— ...

Глядя на записанные на бумаге примеры, они переглянулись и, подражая взрослым, дружно вздохнули.

Сюн Цзиньчжоу постучал каждого по голове.

— Чего вздыхаете? Чжу-гера сегодня не будет дома. Решите примеры и сможете идти играть. Разве тут не радоваться надо?

Сюн Цзиньбо обычно был очень рассудительным, но на этот раз даже он не удержался от жалобы:

— Но считать очень трудно.

Сам Сюн Цзиньчжоу в арифметике не разбирался и судил лишь по количеству заданий. Услышав это, он похлопал Сюн Цзиньбо по голове.

— Что там трудного? Вы же не неграмотные. Потратите полдня - как-нибудь да решите всё.

После этих слов дети один за другим закатили глаза, а Нин Гуйчжу рядом изо всех сил сдерживал смех.

Как бы дети ни относились к этому, задание уже было дано. Сюн Цзиньчжоу и Нин Гуйчжу вывели Маньтоу из дома. В переднем дворе Сюн Цзиньпин и Ван Чуньхуа уже нагрузили тележку. Увидев их, они перекинулись несколькими словами и закрепили тяговые ремни тележки на Маньтоу.□

За всё это время торговля доухуа у супругов шла всё лучше и лучше, поэтому они сменили место для своего лотка. На прежнем месте платить ничего не требовалось, да и столов со стульями было достаточно, чтобы ими пользоваться, но, разумеется, имелись и недостатки - людей там проходило сравнительно мало. За новое место приходилось ежемесячно вносить определённую плату за сам лоток и пользование столами со стульями, зато народу здесь было намного больше, да и тех, кто охотно тратил деньги на закуски, тоже было заметно больше.

Слушая их разговор, Нин Гуйчжу проникался к уездному судье Чэню всё большим уважением. В управлении уездным городом тот и вправду продумывал всё до мельчайших деталей.

Нин Гуйчжу помог Ван Чуньхуа и Сюн Цзиньпину подготовить лоток, а потом вместе с Сюн Цзиньчжоу отправился в уездную управу.

Сюн Цзиньчжоу нашёл Лу-чжубу, чтобы отметить, и спросил:

— Господин уже пришёл?

Лу-чжубу ответил:

— Ждёт во дворе. Просто отведи господина Нина прямо туда.

Сюн Цзиньчжоу кивнул, вернулся к Нин Гуйчжу, взял его за руку и повёл в сторону двора, с улыбкой спросив по пути:

— Ты уже столько раз встречался с господином. Сегодня всё ещё волнуешься?

Нин Гуйчжу:

— ...

Он с силой дёрнул их сцепленные руки и фыркнул:

— Тебе-то какое дело?

— Ты мой супруг. Если не мне о тебе заботиться, то кому?

Сюн Цзиньчжоу нарочно продолжал препираться с Нин Гуйчжу, и к тому времени, когда они добрались до двора, где временно отдыхал уездный судья, на лице Нин Гуйчжу уже не осталось ничего, кроме раздражения на Сюн Цзиньчжоу.

Стоило уездному судье Чэню мельком увидеть это выражение, как он не удержался от улыбки:

— Что случилось?

Их перебранку заметил непосредственный начальник. Сюн Цзиньчжоу, как всегда, ничуть не смутился, а вот Нин Гуйчжу стало немного неловко.

— Перекинулись с Цзиньчжоу парой пустяковых слов, ничего особенного.

Уездный судья Чэнь покачал головой и не стал расспрашивать о личных разговорах супругов. Он жестом указал на место перед собой:

— Сюн-фулан, присаживайся.

— Благодарю, господин.

Нин Гуйчжу сел рядом и сам первым спросил:

— Чему господин хочет научить людей на этот раз?

Уездный судья Чэнь на мгновение замер: гость вдруг перехватил инициативу. Редко когда ему удавалось увидеть, насколько Нин Гуйчжу уверен в собственных способностях. Он улыбнулся:

— Сюн-фулан и правда позволит мне самому придумать?

Нин Гуйчжу кивнул, а затем скромно добавил:

— Конечно. Но если вы назовёте то, чего я не умею, прошу не судить строго.

Уездный судья Чэнь покачал головой, сделал глоток чая и сказал:

— На самом деле у меня действительно есть одна мысль. Ткацкую мастерскую в уезде уже устроили, и в последнее время там наткали немало белой ткани. Если возможно, я хотел бы попросить Сюн-фулана научить всех окрашивать её.

Нин Гуйчжу на мгновение застыл. Только что он дома учил Аньхэ красить ткань, а теперь ему предстояло преподавать то же самое людям в уезде - совпадение было и правда удивительным.

Он улыбнулся:

— Конечно, без проблем. Господин уже подготовил растения для окрашивания?

— ... — уездный судья Чэнь кашлянул. — Красильня не дала рецепта, я сумел найти только два вида трав.

У него были деньги и власть, но деньги эти были добыты на войне, и по сравнению с аристократическими родами, знавшими всё на свете, ему всё же многого не доставало. Давить на людей своим положением он тоже не любил, а раз ему не хотели ничего давать, оставалось лишь сидеть дома и самому искать способ.

Для окрашивания ткани было недостаточно просто подготовить травы и замочить в них полотно. Посередине требовалось ещё несколько этапов обработки, чтобы цвет надолго закрепился на ткани, и вот до этой части уездный судья Чэнь самостоятельно додуматься не мог.

Нин Гуйчжу сказал:

— Если всего необходимого не хватает, тогда с обучением окрашиванию торопиться нельзя.

Он машинально оглянулся назад.

Сюн Цзиньчжоу слегка наклонился к нему и спросил:

— Тебе что-нибудь нужно?

— Э...

Нин Гуйчжу посмотрел на него и только тогда вспомнил, что находится не дома, после чего перевёл взгляд на уездного судью Чэня.

Тот сказал:

— Что тебе нужно, просто скажи ему.

Тогда Нин Гуйчжу тихо сказал Сюн Цзиньчжоу:

— Принеси мне письменные принадлежности.

Сюн Цзиньчжоу кивнул и быстрым шагом вышел.

Они разговаривали в главном зале, а сбоку как раз находился кабинет. Сюн Цзиньчжоу вскоре вернулся с нужными вещами, разложил их на столе, после чего Нин Гуйчжу растёр тушь, взял кисть и начал записывать материалы, необходимые для окрашивания ткани.

Уездный судья Чэнь подошёл ближе, посмотрел и, указав на две позиции в списке, спросил:

— А что такое минфань и шихуэй?

Нин Гуйчжу привык к современным названиям, к тому же дома, что бы он ни говорил, все лишь соглашались: хорошо, хорошо. Поэтому, когда уездный судья Чэнь внезапно задал такой вопрос, его пальцы невольно сжались, но он тут же взял себя в руки и спокойно ответил:

— Минфань - это байцзюнь, а шихуэй - сихуэй.

Перемена в его состоянии была едва заметной, и уездный судья не придал ей значения.

Земли Центральных равнин были чрезвычайно обширны, и одна и та же вещь могла иметь множество разных названий, поэтому не слышать какого-то из них было совершенно нормально.

Он лишь напомнил:

— Лучше писать общеупотребительные названия.

Такие названия, как байцзюнь и сихуэй, встречались в медицинских трактатах и за долгие годы получили широкое распространение. Откуда Нин Гуйчжу было знать, какое название сейчас считается самым употребительным? Поэтому он просто подписал возле каждого предмета по три-четыре варианта названия и заодно нарисовал рядом изображение.

Уездный судья Чэнь:

— ...

Посмотрел раз.

Потом ещё раз.

Рисунок в технике гунби и правда получился поразительно точным.

Оставив готовый список, Нин Гуйчжу заодно спросил:

— Господин, а как вы собираетесь закупать эти травы?

Уездный судья Чэнь перелистнул листы и небрежно ответил:

— Купить в аптеках.

— ...

— У Сюн-фулана есть предложение получше?

Нин Гуйчжу сказал:

— Травы, которые используют для окрашивания, не требуют слишком тщательной лекарственной обработки. Если господин не против, можно пустить весть среди народа, скупать их у простых людей, а потом уже самим всё подготовить.

В пределах одного уезда сроки полевых работ обычно отличались не слишком сильно. Если сейчас распространить такую весть, как раз можно было дать крестьянам, закончившим работу на полях, дополнительное занятие и возможность немного пополнить семейный доход.

Уездный судья Чэнь, услышав это, немного подумал.

— И в самом деле возможно. Только тогда господину Нину сначала придётся научить людей различать нужные травы.

Большинство простых людей не слишком хорошо разбирались в лекарственных растениях, поэтому сразу после объявления наверняка принесли бы немало того, что им вовсе не требовалось.

Нин Гуйчжу кивнул:

— Разумеется.

Он знал далеко не все лекарственные травы, но несколько видов, необходимых для окрашивания ткани, всё же мог различить.

Так, обсудив всё вдоль и поперёк, они решили отложить обучение окрашиванию ещё на несколько дней. Сюн Цзиньчжоу предстояло отправляться на патрулирование, поэтому Нин Гуйчжу попрощался с уездным судьёй Чэнем и направился к ткацкой мастерской, собираясь посмотреть, как идут дела в школе ткачества.

Подойдя к зданию, он поднял голову и обнаружил, что название здесь уже сменили - теперь место называлось просто «Мастерская».

— Господин Нин?

К нему подошёл Цзинь Тан с едой в руках. Увидев Нин Гуйчжу, он улыбнулся и спросил:

— Господин Нин пришёл проводить занятие?

Нин Гуйчжу покачал головой. Он знал, что Цзинь Тан был доверенным человеком уездного судьи, поэтому ничего скрывать не стал и пересказал, о чём они только что договорились, а затем добавил:

— Господин сказал, что школа ткачества всё ещё работает, вот я и решил зайти посмотреть.

Цзинь Тан кивнул и сам предложил:

— Помимо школы, не хотите заглянуть и в ткацкую мастерскую?

— С большим удовольствием.

Занятия в школе шли размеренно и без сбоев. Нин Гуйчжу не стал мешать, некоторое время посмотрел вместе с Цзинь Таном снаружи, а затем они покинули школу и направились в расположенную неподалёку ткацкую мастерскую.

<http://bllate.org/book/14958/2337375>